

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 256–266

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 256–266

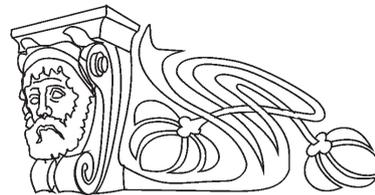
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-256-266>, EDN: ANVQZR

Научная статья

УДК 316.347(470.62)

Общественно-политические установки молодого поколения дагестанцев: через призму исламского вероучения (по результатам социологического опроса)

М. М. Шахбанова

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Россия, 367030, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 75

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, madina2405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Аннотация. На начальном этапе религиозного возрождения деятельность конфессиональных институтов была несколько пассивной, однако в настоящее время наблюдается ее активизация, которая выражается в расширении пространства влияния религиозных деятелей, ориентации населения на одновременное получение религиозного и светского образования, приобщении большого пласта населения к религиозным знаниям. В статье выдвигается гипотеза о повышении роли традиционных вероисповеданий и религиозных институтов в социальных процессах современного российского социума. Следовательно, изучение религиозной составляющей в данном контексте исламского фактора с позиций прогнозирования и оценки его роли в современном дагестанском обществе приобретает особую значимость, ибо позволит обозначить траекторию развития государственно-конфессиональных взаимоотношений, выработать эффективную религиозную политику и положения, не нарушающие светский характер государственного устройства России. Анализируется восприятие и оценка молодым поколением дагестанцев исламского учения в общественно-политической жизни республики. Аналитика показывает доминирование в массовом сознании дагестанской молодежи позиции о государственном устройстве, базирующемся на исламском учении; автор предполагает отсутствие у молодого поколения понимания сути и специфики правления, основанного на мусульманских постулатах. Как показал социологический опрос, проведенный в 2023 г., дагестанская молодежь последовательна в своих позициях и в решении спорных вопросов в самых разных социальных сферах (экономическая деятельность, земельный спор между владельцами, семейный конфликт, домашнее насилие и т.д.) предпочтение отдает шариатскому суду, который приобрел большой авторитет в повседневной жизни населения Дагестана. В массовом сознании молодого поколения республики имеет место приоритетность мусульманского учения и обозначение особого его статуса, что является деструктивным явлением, ибо способно формировать религиозную интолерантность и дестабилизировать дагестанское общество. Функцию религиозного учения в общественной жизни молодое поколение дагестанцев связывает с распространением основ религии и религиозной морали, духовно-нравственным воспитанием и благотворительностью.

Ключевые слова: ислам, религия, религиозные постулаты, дагестанская молодежь, политическая деятельность, политическое участие, общественная жизнь

Для цитирования: Шахбанова М. М. Общественно-политические установки молодого поколения дагестанцев: через призму исламского вероучения (по результатам социологического опроса) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 256–266. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-256-266>, EDN: ANVQZR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Socio-political attitudes of the younger generation of Dagestanis: Through the prism of Islamic doctrine (based on the results of the sociological survey)

M. M. Shahbanova

Dagestan Federal Research Center of the RAS, 75 Yaragskogo St., Makhachkala 367030, Russia

Madina M. Shahbanova, madina2405@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

Abstract. At the initial stage of the religious revival, the activity of confessional institutions was somewhat passive, but now it is being intensified, which is expressed in the expansion of the space of influence of religious figures, the orientation of the population to simultaneously receive religious and secular education, and the introduction of a large layer of the population with religious knowledge. The article puts forward the hypothesis about the increasing role of traditional faiths and religious institutions in the social processes of modern Russian society. Consequently, the study of the religious component, in this context of the Islamic factor, from the standpoint of forecasting and assessing its role in modern Dagestan

society, acquires special significance, because it will allow us to outline the trajectory of development of state-confessional relations, develop effective religious policies and provisions that do not violate the secular nature of the state devices of Russia. The perception and assessment of Islamic teachings in the socio-political life of the republic by the younger generation of Dagestanis is analyzed. The analysis shows the dominance in the mass consciousness of Dagestan youth that the position on the state structure is based on Islamic teachings; the author assumes that the younger generation lacks the understanding of the essence and specifics of government based on Muslim postulates. The surveyed Dagestan youth are consistent in their positions and in resolving controversial issues in a variety of social spheres (economic activity, land dispute between owners, family conflict, domestic violence, etc.), according to the Sharia court, which has acquired greater authority in everyday life population of Dagestan. In the mass consciousness of the younger generation of the republic, there is a priority of Muslim teaching and the designation of its special status, which is a destructive phenomenon, because it can create religious intolerance and destabilize Dagestan society. The younger generation of Dagestanis associates the function of religious teaching in public life with the dissemination of the fundamentals of religion and religious morality, spiritual and moral education and charity.

Keywords: Islam, religion, religious tenets, Dagestan youth, political activity, political participation, public life

For citation: Shahbanova M. M. Socio-political attitudes of the younger generation of Dagestanis: Through the prism of Islamic doctrine (based on the results of the sociological survey). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 256–266 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-3-256-266>, EDN: ANVQZR

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Происходящие на планете противоречивые процессы, которые затронули и наше общество, нестабильность и военные конфликты на постсоветском пространстве вполне способны расшатать устоявшиеся нормы и правила миропорядка. В свою очередь, характерные современности деструктивные явления проверяют на прочность социально-экономическую, политическую, духовно-нравственную, мировоззренческую сферы государства. Постсоветский период охарактеризовался трансформацией ранее существовавших экономической и идеологической основ, на смену которым практически во всех социальных сферах пришли иные модели взаимоотношения. В такой ситуации можно прогнозировать укрепление позиций религии как мировоззрения и религиозных институтов в общественно-политической жизни.

Как известно, государственно-церковные отношения на протяжении всего периода Российского государства были очень сложны, что закономерно для многонационального и полирелигиозного государственного образования, каковым является Россия. Послереволюционный период представляется наиболее тяжелым, поскольку провозглашение атеистической идеологии существенно сузило конфессиональное пространство, что выразилось в уничтожении культовых зданий, которые имели историческую ценность, религиозной литературы, духовенства и т.д. Однако с перестройкой начался противоположный процесс – отсутствие контроля со стороны власти позволило беспрепятственно проникать на территорию нашей страны радикальным течениям, миссионерам, которые своей деятельностью дестабилизировали общественную ситуацию, обостряли межрелигиозные взаимоотношения, внутри

самых вероисповеданий начались противостояние и раскол. Социальная незащищенность и отсутствие перспектив улучшения личного положения способствовали обращению населения к религии как поиску душевной гармонии. На фоне всех трансформаций религиозные учения и духовенство стали быстрыми темпами укреплять свои позиции в общественно-политической жизни государства: «...политические и правовые перемены в стране, ликвидация административных и нравственных притеснений верующих, принятие прогрессивного законодательства о свободе совести позволили религиозным организациям выйти из подневольного состояния, а верующим свободно, без боязни исповедовать свою веру. Однако этот процесс... чрезвычайно противоречив» [1, с. 38].

Как известно, государственно-церковные взаимоотношения являются очень сложными и противоречивыми по своей природе явлением: с одной стороны, позитивное взаимодействие способно сохранить стабильность социума, формировать межрелигиозную толерантность, с другой, если они имеют деструктивный характер, то могут обострить отношения между последователями разных вероучений, спровоцировать религиозный конфликт, который при неблагоприятных условиях может перерасти в масштабное противостояние. Иными словами, «государство и конфессии – это сложные, исторически обусловленные социальные системы, оказывающие огромное влияние как на человечество в целом, так и на всех и каждого в отдельности. Они способны формировать нормы поведения и образ мыслей людей, их отношения друг к другу и к окружающему миру, диктовать порядок человеческой деятельности и создавать условия для такой деятельности» [2, с. 25]. По

мнению А. А. Алиева, «вопрос относительно того, какое место должен занимать ислам в государственно-политической структуре мусульманских стран, находился в эпицентре дебатов, которые еще в Средние века развернули крупнейшие религиозные авторитеты (муджтахиды) и знатоки ислама (улемы, араб. – улама, ед.ч. – алим). В итоге предпочтение было отдано постулату, согласно которому законной и приемлемой для народа считается всякая власть, если она следует догматам ислама и соблюдает принципы шариата» [3, с. 19].

По мнению российских исследователей, «использование ислама в качестве идеологии для политической консолидации общества, когда религия играет роль основы для конституирования нации, – достаточно распространенное и хорошо изученное явление, называемое исламизмом. Последний принимает сегодня самые различные формы» [4, с. 126].

Хороший анализ исламизма и его значения для политической жизни дан С. А. Семедовым, по мнению которого, «модернисты заимствуют у Запада не только его технические достижения, но и его цели и ценности. Например, общество для них – совокупность автономных индивидов, заключивших общественный договор. Цель исламистов – создание политики, живущей по законам шариата, которая обеспечивала бы каждому члену сообщества оптимальные возможности для спасения своей души... Но современные исламисты используют методы реализации своего политического идеала, значительно отличающиеся от методов XVIII в. Они создают подпольные организации и легальные партии, записывают телепередачи и компакт-диски, открывают школы и больницы, используют новейшие техники индоктринации. Исламисты ввели немыслимые ранее термины, например, “исламская революция”, и говорят о реисламизации общества теми же словами, какими их противники говорят о секуляризации» [5, с. 443].

Рассматривая исламский фактор в общественно-политической жизни современного дагестанского общества, необходимо отметить, что в науке широко изучаются понятия «исламизм», «мусульманский национализм». Анализ концепций данного явления дан в работе А. А. Алиева [3, с. 19]; исследование «мусульманской нации» встречается в работах Л. Р. Гордон-Полонской [6], Е. А. Дорошенко [7], Б. С. Ерасова [8], М. С. Лазарева [9], З. И. Левина [10], Н. Г. Пруссаковой [11], М. Т. Степанянц [12], Т. П. Тихоновой [13] и др.

Если обратиться к государственной поддержке религии, то «оставаясь в рамках светскости, государство оказывает правовую и политическую поддержку религии... религиозные организации в России пользуются рядом налоговых и таможенных льгот, оскорбление чувств верующих предусматривает административную и уголовную ответственность» [14, с. 7]. Иными словами, «политическая и общественная проекция религии не всегда совпадают с личной религиозностью человека. Порой совершенно нерелигиозные индивиды являются активными сторонниками присутствия религии в политической или общественной жизни. Встречаются и противоположные случаи – высокая личная религиозность не проявляется в общественно-политической сфере» [4, с. 125].

Социологический опрос с целью изучения религиозности и религиозной практики молодого поколения дагестанцев был проведен в 2023 г. в городах Махачкала, Дербент, Кизилюрт, Хасавюрт, а также в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском районах методом случайного отбора. В нем приняли участие 510 чел. Выборка составлена с учетом социально-демографической, национальной и территориальной принадлежности. Максимально возможная ошибка выборки составляет 4,8% с вероятностью 0,95.

Отличие религиозного и светского государственного устройства дает М. И. Одинцов: «...клерикальное государство несет на себе жесткую зависимость от конкретной религии <...> государство осуществляет именно церковную (вероисповедную) политику, т.е. выстраивает систему отношений применительно к верующим гражданам и религиозным организациям, не признавая вневероисповедного состояния, атеистических убеждений и организаций». В светском государстве «отношения государства и человека, государства и религиозных организаций выстраиваются на принципах свободы совести (в его широком понимании), отделения (де-факто или де-юре) религиозных организаций от государства, правового равенства религий, равенства граждан независимо от их отношения к религии и т.д. Отношение светского государства к религиозной сфере общества строится на признании и защите мировоззренческого плюрализма, отстаивании интересов верующих и неверующих, религиозных организаций и объединений, могущих создаваться на принципах атеизма или свободомыслия, и потому в целом оно должно характеризоваться как политика в сфере свободы совести» [15, с. 34].

Каким видит опрошенная дагестанская молодежь политическое устройство? – вопрос очень важный на фоне усиления влияния исламского компонента в современном Дагестане, укрепления его позиций в массовом сознании. Необходимо отметить, что этот вопрос всегда находится в поле зрения исследователей, заметно возрастание интереса к нему по мере обострения ситуации в конфессиональной сфере, распространения идеологии ваххабизма, появления его последователей. Данные дагестанских исследователей констатируют суще-

ствование в общественном сознании молодого поколения дагестанцев предпочтительности политической системы, основанной на исламской идеологии: «...респондентам в когорте до 20 лет и от 20 до 30 лет, в отличие от других возрастных подгрупп, ближе суждение “в исламском государстве (с нормами шариата)” – 36,0% и 31,0% соответственно» [16; 17, с. 12]. Кроме того, индикатором измерения степени религиозности общества является установка на политический строй страны, что и нашло отражение в авторском исследовании (рис. 1).

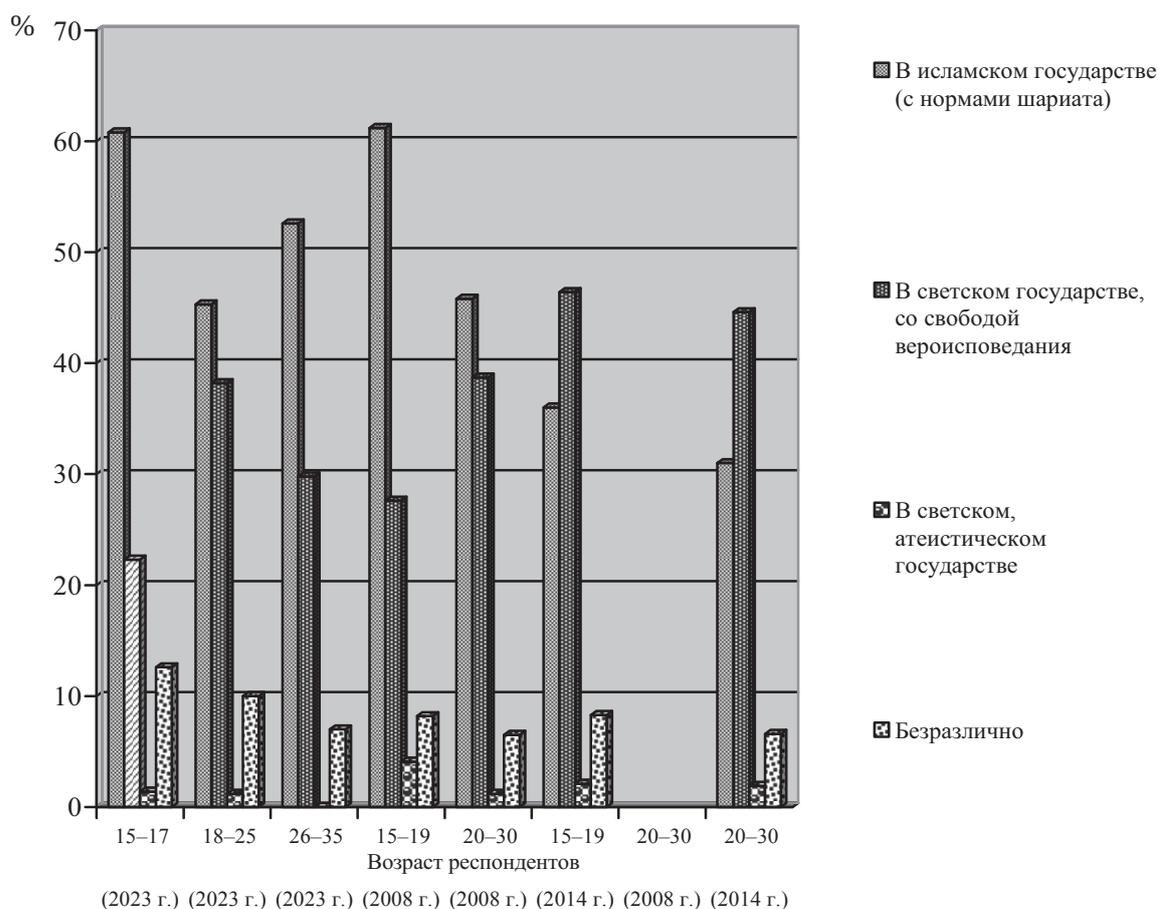

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «В каком государстве Вы хотели бы жить?», % по всему массиву

Результаты опроса показывают превалирование с большим перевесом в массовом сознании опрошенной дагестанской молодежи предпочтительности проживания в исламском государстве с нормами шариата (54,3% по всему массиву); анализ в разрезе социально-демографических признаков констатирует, что в мужской подгруппе доля придерживающихся этого суждения больше, чем среди женщин – 57,7 и 49,3% соответственно; меньше всего отдающих

предпочтение теократическому государству в возрастном разрезе 18–25 лет (45,3%), в других возрастных подмассивах – больше половины опрошенных. Однако с повышением уровня образования респондентов данный показатель уменьшается – с 63,4% имеющих базовое среднее образование до 41,8% со средним специальным образованием. Закономерным является преимущество данной точки зрения в установках убежденно верующих (69,4%), причем их

существенно больше, чем в подмассиве верующих (49,6%); недоумение вызывает позиция неверующих (16,7%), которым ближе базирующаяся на религиозных постулатах политическая система. В этническом разрезе склонность к религиозной политической системе демонстрируют 60,0% опрошенных кумыков, 58,6% аварцев, 52,5% даргинцев, в остальных национальных образованиях доля заметно меньше и здесь выделяется лакская подгруппа (37,5%). Почти в два раза меньше предпочитающих светское государство со свободой вероисповедания – одна треть по всему массиву. Заметны отличия по гендерной принадлежности – женщин заметно больше (35,5%) в сопоставлении с мужчинами (24,4%); с возрастом и повышением уровня образования респондентов доля таковых увеличивается с 22,3% в интервале 15–17 лет до 38,2% среди 18–25-летних, с 19,1% с базовым средним образованием против 43,0% имеющих среднее специальное образование.

Отношение к религии отражается на предпочтениях государственного строя: больше половины опрошенных, ассоциирующихся как колеблющиеся, одна треть верующих, неверующих и убежденно неверующих хотели бы жить в светской стране с уточнением важности свободы вероисповедания. Среди этнических групп можно выделить лакскую, одна вторая часть респондентов подчеркивает предпочтительность светскости при наличии свободы совести. Вместе с тем статистически небольшая часть опрошенной дагестанской молодежи хотела бы жить в государстве с атеистической идеологией (1,2%), и здесь можно выделить подмассив убежденно неверующих (33,3%). Сопоставление с результатами предыдущих авторских опросов (2008 и 2014 гг.) свидетельствует о том, что такая установка ранее имела место в общественном сознании дагестанского населения, причем наиболее рьяно за теократическую форму выступает именно самое молодое поколение. Разумеется, автор исходит из того, что данный возрастной подмассив не имеет полноценного представления о специфике теократического государства, о господствующих в нем ценностях, взаимоотношениях, гендерном статусе и т.д. На формирование представления о государственном устройстве, в котором учитывается исламский компонент, а также религиозного мировоззрения влияет вовлеченность молодежи в религиозные процессы, и немаловажную роль здесь играет обучение подрастающего поколения, у которого

только формируются жизненные ценности, еще неокрепшая психика, в примечетских школах. Разумеется, получаемые ими в стенах мактабов знания и формируют мировоззренческую картину. Как к этому относиться, зависит от приятия или неприятия мусульманского возрождения и деятельности духовных лиц. В обществе имеет место критическая оценка деятельности дагестанского Муфтията, его работников, их поведения и т.д. Но с другой стороны, наше общество столкнулось со многими асоциальными явлениями, которые на волне укрепления либерально-демократических ценностей проникли в социальную среду и начали «разрушать» существовавшие традиционные правила поведения и ценности. Видимо, устанавливаемые исламом, как мировой религией, «универсалистские связи способствовали выходу общества за рамки государства, развитию культурных контактов, более широким политическим объединениям стран, входящих в сферу влияния данной религии» [8, с. 51].

Автор придерживается позиции, что повышение значимости исламского компонента в общественном сознании дагестанского населения и ориентированность на религиозные постулаты в общественно-политической жизни началось с первых же этапов мусульманского возрождения. Если обратиться к данным опроса З. М. Абдулагатова (2000 г.), то на вопрос «Хотите ли Вы стать гражданином исламской Республики Дагестан?» «отрицательный ответ дали 76,6% опрошенных. Причем в городской местности эта позиция поддержана 83,3% опрошенных. В опросе 2007 г., в отличие от предыдущих лет, респондент мог выбрать желаемую сферу приложения норм шариата: государство, общество, личная жизнь, различные сочетания личного и общественного. Как мужчины, так и женщины главным образом придерживаются той позиции, что «шариат должен регулировать межличностные отношения людей (сферу нравственности), не затрагивая сферу государственной деятельности»: общее – 41,0%; мужчины – 43,1%; женщины – 39,3%. Женщины, в отличие от мужчин, отводят шариату большую роль в регулировании семейно-бытовых отношений. Среди женщин, по сравнению с мужчинами, оказалось больше тех, кто склонен считать нормы шариата устаревшими, не соответствующими времени (19,2% женщин и 14,9% мужчин)» [18, с. 19].

По мнению автора, интенсивная цифровизация общества, появление социальных сетей,

ослабление веса многих культурных скреп привело к духовному и мировоззренческому кризису. Для молодого поколения россиян кумирами стали раскрученные продюсерами с целью получения прибыли персонажи, которые демонстрируют отсутствие моральных ценностей, уважения элементов традиционной культуры, игнорирование законодательных норм, пропагандируют свободные отношения, использование психотропных веществ. Государственные институты не уделяли практически никакого внимания ограждению подростков от пропаганды наркотиков, праздного образа жизни, неуважительного отношения к государству, и в основе всего этого лежит отсутствие реальной молодежной политики, идеологии, воспитания, к сожалению, утрачены многие позитивные наработки молодежной политики советского периода. И в этой связи, думается, мотивацией родителей к приобщению детей к религиозному учению, в данном контексте к исламу, является стремление защитить своего ребенка от тлетворного влияния окружающей среды, не допустить вовлечения в преступное сообщество, страх перед наркоманией, игроманией и алкоголизмом, которые имеют распространение в современном дагестанском обществе. Однако усматривать в религиозном воспитании панацею от деструктивных явле-

ний общественной жизни не следует, потому что мы являемся свидетелями того, как получившие религиозное образование как в самой республике, так и в зарубежных арабских странах пополняли ряды радикально настроенной верующей молодежи и выступали против государства и светских законов.

В обществе, причем не только от духовенства, но и от активной прослойки верующих, а также людей, далеких от религии, можно слышать мнение о необходимости приоритетного существования вероучения в зависимости от количества его последователей. Миграция, причем неконтролируемая, носителей исламского учения на территорию России является причиной появления межрелигиозной интолерантности, противостояния из-за строительства культовых зданий на канонической территории другого вероисповедания. По нашему мнению, вполне аргументированным является позиция выступающих против культовых сооружений на территории исконного проживания носителей другого религиозного течения. Кроме того, в общественном сознании мусульманского населения имеет место понимание своей религии как «самой совершенной». С учетом данного фактора в исследовании был рассмотрен вопрос о понимании дагестанской молодежью статуса исламской религии в республике (рис. 2).

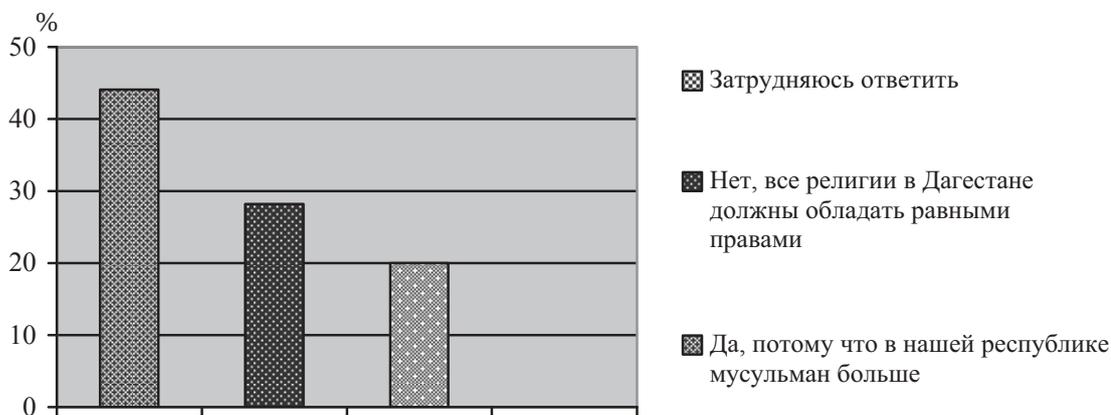

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Вы согласны с мнением, что “ислам должен обладать определенными привилегиями в Дагестане”?», % по всему массиву

Приведенные данные показывают, что половина опрошенной дагестанской молодежи придерживается позиции о необходимости обеспечения на территории Дагестана преимущественного положения мусульманского вероисповедания, в сравнении с иными вероучения, с доводом численного превалирования его носителей. Обращает на себя внимание процентное доминирование

разделяющих эту точку зрения в мужской подгруппе (48,2%) по сравнению с женской (37,9%). Дальнейший анализ констатирует рост числа участников опроса, указывающих на придание мусульманству с учетом масштабов его распространения определенных привилегий: 44,2% опрошенных в когорте 15–17 лет и 63,2% среди 26–35-летних. Анализ через образовательный ста-

тус респондентов показывает, что с его повышением увеличивается доля отметивших необходимость обеспечения преимущественного положения ислама на канонической территории: 43,7% с базовым средним, 38,2% – со средним, 54,4% – со средним специальным и 48,2% – с высшим образованием. Предсказуемой является точка зрения респондентов сквозь призму отношение к вере: 50,0% убежденно верующих и 44,4% верующих за придание более высокого статуса исламскому учению, по сравнению с подмассивами колеблющихся (18,5%) и неверующих (16,7%).

На культивирование веротерпимости и соблюдение равноправия всех религиозных учений влияет уровень образования: его рост способствует формированию в массовом сознании молодого поколения дагестанцев принципов позитивного восприятия иного вероисповедания, соответственно, обеспечение свободы для их полноценного функционирования. Выступающих против преимущественного положения ислама, по сравнению с христианством и иудаизмом (их последователей больше в республике), больше в когорте самоидентифицирующихся как колеблющиеся (63,0%), неверующие (66,7%) и убежденно неверующие (66,8%). Вместе с тем затруднились выразить свою позицию пятая часть респондентов по всей выборке, анализ в разрезе социально-демографических индикаторов показывает преобладание таковых в возрастном подмассиве 18–25 лет (24,7%).

Итак, результаты опроса свидетельствуют о существовании в общественном сознании молодежи установки на важность придания своему вероисповеданию больше прав, и на формирование такой точки зрения не влияют ни возраст, ни образование опрошенных, более того, с их ростом наблюдается повышение процентного показателя придерживающихся данного суждения. Эмпирический материал позволяет автору предположить, во-первых, характерность опрошенным в латентной фор-

ме религиозной интолерантности, во-вторых, из первого закономерно вытекает стремление молодого поколения дагестанцев обозначить приоритет исламского учения с мотивацией численного преимущества его последователей. Однако количество носителей того или иного вероучения ни в коей мере не должно быть основанием для неравного статуса какой-либо конфессии, потому что последствием такой политика неизбежно будет межрелигиозное противостояние, интолерантность, агрессивное отношение к иноверцам и т.д. С учетом этноконфессиональной специфики Дагестана вполне возможны трения между представителями разных религий, и политика республиканской власти должна носить взвешенный характер, учитывая потребности каждого человека независимо от его религиозной, национальной, гендерной и иной принадлежности при обеспечении равноправия в каждой из социальных сфер. Автор, правда, очень осторожно делает вывод, что такая точка зрения у опрошенной молодежи косвенно свидетельствует о слабости позиции веротерпимости в их общественном сознании. Разумеется, открыто религиозную неприязнь респонденты не демонстрируют, что не означает ее отсутствие.

Еще одним явлением, которое получило распространение в современном дагестанском обществе, является функционирование шариатских судов, к которым люди обращаются для разрешения вопросов различного характера: споры в отношении собственности, коммуникации с родственниками, семейно-брачная сфера, отказ одного из родителей, как правило отцов, участвовать в воспитании и материальном обеспечении детей, особенно если родители находятся в разводе, и т.д. Поэтому в рамках изучения исламского компонента в общественно-политической жизни современного Дагестана был затронут вопрос о месте шариатского суда и его восприятии респондентами (рис. 3).

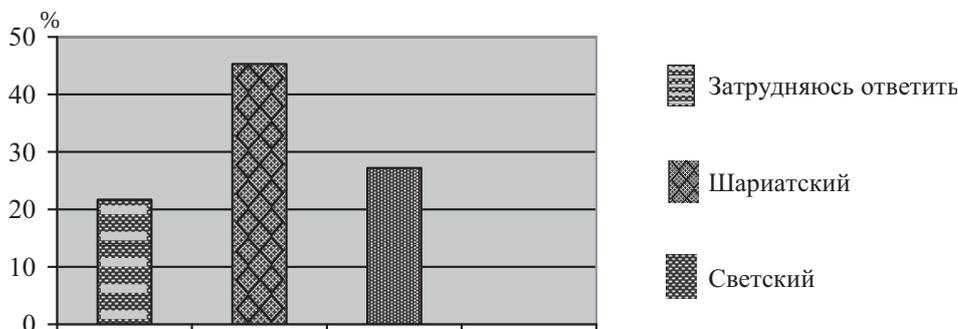

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Если бы у Вас возникла необходимость обратиться в суд и была возможность выбирать, то какой суд Вы бы выбрали?», % по всему массиву

Данные исследования показали двукратное доминирование в общественном сознании опрошенной дагестанской молодежи приоритетности шариатского суда (45,3% против 21,7%). Почти по всем параметрам анализа наблюдается процентное различие, где-то заметное, где-то небольшое, как, например, по гендерной принадлежности: 46,6% мужчин и 43,3% женщин. С повышением возраста растет и доля отдающих предпочтение шариатскому суду (с 46,8% среди 15–17-летних до 54,4% опрошенных в когорте 26–35 лет). Уровень образования оказывает заметное влияние на выбор опрошенными судебного института, который может вынести правильное решение: так, наблюдается уменьшение с 52,5% респондентов, имеющих среднее образование, до 32,1% с высоким образовательным статусом. Подавляющая часть убежденно верующих (60,2%) предпочтение отдает шариатскому суду, доля верующих в 1,5 раза меньше (39,9%). Также обращает на себя внимание то, что 11,1% из подмассива колеблющихся и 33,3% убежденно неверующих рассматривают шариатский суд как инстанцию разрешения спорных вопросов. Далее, 21,7% по всему массиву при возникновении потребности в судебном порядке решить какие-то проблемы выбирают светский суд, среди них 24,1% мужчин и 22,9% 18–25-летних; разделяющих эту позицию, больше в подгруппе с высшим образованием (30,4%) и меньше в прослойке со средним специальным образованием (13,9%). Логичным является поведение колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих, указывающих на приоритетность для них светского суда (больше половины опрошенных). Доля затруднившихся с выбором – светский или шариатский суд – существенная (27,2%), среди них выделяется женский подмассив (35,0%), возрастной интервал 18–25 лет (32,8%), а также каждый третий опрошенный во всех образовательных подгруппах. Далее, 11,7%, идентифицирующих себя как убежденно верующие, и 22,8% верующих наряду с шариатским судом готовы обратиться и в светский суд.

О чем свидетельствуют полученные данные? Можно утверждать, что, несмотря на предпочтительность шариатского суда, в общественном сознании дагестанской молодежи наблюдается сложность в определении значения суда как такового – поэтому у заметной части респондентов наблюдается сложность

в обозначении приоритетности шариатской или светской судебных инстанций. Необходимо отметить, что шариатский суд при всем скептическом отношении к его возможностям часто без привлечения светского права позволяет разрешить ряд вопросов, и в сложных ситуациях удается без обострения ситуации принять устраивающий обе стороны вердикт. Разумеется, в шариатский суд обращается верующий контингент населения, следовательно, истцов в какой-то мере обязывают исполнить вынесенный на основе исламских положений вердикт. Впрочем, встречаются случаи, когда заключение шариатского суда игнорируется, поэтому не стоит возлагать на него большие надежды.

Вопросы «Какова роль религиозных учреждений в современном дагестанском обществе?» и «Какие сферы для религиозных организаций приоритетны в рамках осуществления своей деятельности?» важны в рамках исследования веса вероучения в современном социуме. В полной мере можно согласиться с мнением К. С. Дивисенко, что «за последние десятилетия принципиальным образом изменилось положение религиозных организаций, которые стали значимыми социальными силами в современном социокультурном контексте» [19, с. 84]. Поэтому наличие в общественной жизни различных точек зрения о роли вероучения в жизни человека, социума в целом, неоднозначной оценки деятельности исламских духовных лидеров требует выявления сфер, которые, по мнению респондентов, должны быть в поле интереса конфессиональных организаций (рис. 4).

По мнению подавляющей части опрошенной дагестанской молодежи, приоритетной функцией религиозных организаций является активное участие в распространении основ религии, религиозной морали, привлечении населения в лоно конфессии. С возрастом и уровнем образования респондентов доля придерживающихся данной позиции уменьшается с 60,4% в группе 15–17-летних до 42,1% среди 26–35-летних, с 55,7% с базовым средним образованием до 50,0% с высшим образованием. Именно в расширении канонической территории и увеличении числа верующих усматривает работу религиозных организаций подавляющая часть убежденно верующих и верующих, впрочем, как и одна треть колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих. Еще одной важной

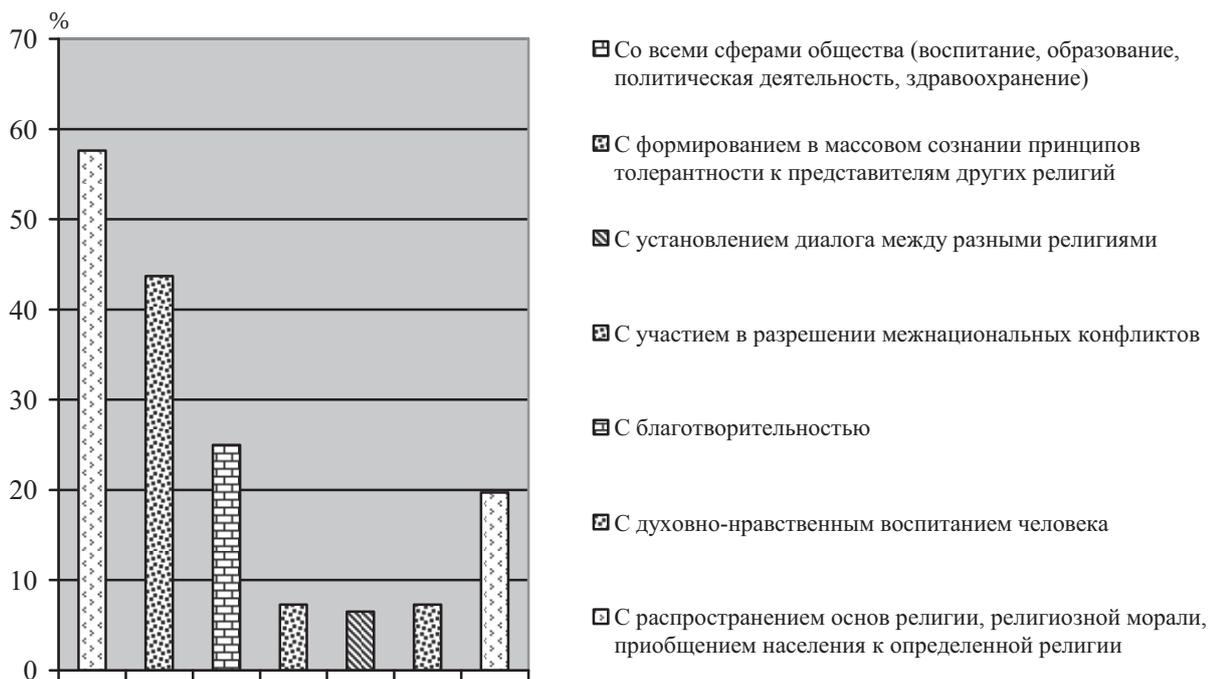

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «С какой сферой общественной жизни Вы связываете деятельность религиозных организаций?», % по всему массиву

функцией религиозных учреждений, в понимании одной второй части респондентов по всему массиву, является духовно-нравственное воспитание человека; анализ по социально-демографическим признакам констатирует рост придерживающихся данного суждения с 37,4% в возрастном интервале 15–17 лет до 50,9% среди 26–35-летних; внутригрупповое сравнение по уровню образования показывает, что воспитательный компонент имеет слабые позиции у респондентов с низким уровнем образования (36,1%), в то время как слой с высоким образовательным статусом подчеркивает важность внедрения в массовое сознание принципов нравственности – 55,7% со средним специальным и 42,9% с высшим образованием.

Далее, 25,0% респондентов по всему массиву связывают деятельность религиозных организаций с благотворительностью, отметивших это суждение больше в подгруппах 18–25 лет – 27,6%, убежденно верующих – 24,5%, верующих – 25,7%, колеблющихся – 33,3% и имеющих среднее специальное образование – 30,4%. Четвертое ранговое место занимает вариант ответа, подчеркивающий необходимость активного участия религиозных деятелей во всех социальных сферах (воспитание, образование, политическая деятельность, здравоохранение), и придерживающихся его

больше в возрастном подмассиве 26–35 лет (29,8%). Отношение к религии отражается на позициях опрошенных. Так, 66,7% в подгруппе убежденно неверующих, 24,0% убежденно верующих, 22,2% колеблющихся сферой религиозной деятельности считают все социальные области. Суждения «участие в разрешении межнациональных конфликтов», «формирование в массовом сознании принципов терпимости к представителям других религий» и «установление диалога между разными религиями» отмечены существенно меньшей долей опрошенного молодого поколения дагестанцев – 7,3%, 7,2% и 6,5% соответственно. Среди отметивших роль исламских духовных лиц в урегулировании этноконфликтов можно выделить возрастную когорту 18–35 лет (12,3%), а также одну шестую часть в подмассивах имеющих среднее специальное образование и неверующих; межрелигиозный диалог должен быть приоритетным для одной восьмой части 18–25-летних респондентов, со средним специальным образованием и колеблющихся. Среди отметивших необходимость формирования в обществе принципов веротерпимости выделяются подмассивы неверующих (41,7%) и колеблющихся (25,9%).

Резюмируя результаты анализа, можно согласиться с М. М. Мчедловой, отмечающей

«тенденцию к переопределению сложившихся государственно-конфессиональных отношений и институциональных статус-кво: в образовании, науке, в сфере свободы совести, легитимация которых осуществляется политическими резонами... можно зафиксировать перетекание религии и религиозных смыслов из сферы сугубо вероисповедной ("церковной ограды") в политико-нормативное и политико-смысловое поле, а ключевой тенденцией, пришедшей на смену парадигме религиозного возрождения, стала политизация религии» [20, с. 18].

Итак, в общественном сознании молодого поколения дагестанцев приоритетным является проживание в исламском государстве с нормами шариата. По мнению автора, здесь имеет место поверхностное понимание смысла такого государственного устройства: с полной уверенностью можно утверждать, что модель взаимоотношений в исламском государстве, существующие запреты в повседневной жизни, правила поведения, ограничения, которые накладывает такая форма правления, вряд ли пришлись бы по вкусу дагестанской молодежи. Более того, вызывает сомнение реальное понимание и осознание опрошенной дагестанской молодежью структуры теократического государственного устройства. Поэтому закономерным является вопрос «Как относится дагестанская молодежь к государственному устройству ряда государств, в частности Афганистана, Ирана, Саудовской Аравии, Катара и т.д., где оно (государственное устройство) базируется на совершенно иных принципах?». Если молодежь под шариатским государством понимает исключительно ношение женщиной хиджаба, а дозволение мужчине иметь несколько жен (а это так), то такое представление не соответствует действительности. Можно посмотреть на теократические государства и задать вопрос: «Вы готовы так жить?» Думается, подавляющая часть молодежи вряд ли примет такой образ жизни. Проповедническая деятельность касты исламских служителей сказывается на формировании картины мира, и при их активности логичным является крен в сторону государственного устройства, основанного по мусульманским канонам. Подавляющая часть респондентов ориентирована на решение спорных вопросов в шариатском суде.

Полученный эмпирический материал показывает, что в современном дагестанском обществе наблюдаются приоритет исламского

компонента над светскими ценностями, вовлечение молодого поколения дагестанцев в исламские процессы, интенсивная культовая практика, ярко выраженная религиозная идентичность. Кроме того, авторитет представителей мусульманского духовенства (так называемых устазов), Муфтията в современном дагестанском обществе стал мощной силой, способной консолидировать мусульманскую общину: при неблагоприятных условиях эта сила вполне способна выполнить деструктивную роль, что может дестабилизировать ситуацию не только в самой республике, но в регионе в целом, следовательно, угрожать национальной безопасности Российского государства: события в аэропорту Махачкалы 28 октября 2023 г. продемонстрировали негативный потенциал организованной толпы фанатиков.

Список литературы

1. Мчедлов М. П. Религиозны ли молодые россияне? // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 2 (74). С. 38–45.
2. Кардашевский А. В., Тирских М. Г. Современные концепции государственно-конфессиональных отношений: «сущностные модели» // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2. С. 25–33.
3. Алиев А. А. Идеология «мусульманского национализма»: Аналитический обзор / отв. ред. А. В. Гордон. М. : ИНИОН РАН, 2008. 104 с. (Всеобщая история).
4. Ситников А. В., Романов М. В., Фасхудинов Р. Р. Национальная и религиозная идентичности: опыт анализа взаимосвязи (на примере Республики Татарстан) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 120–134. <https://doi.org/10.31857/S013216250015844-1>
5. Семедов С. А. Исламизм и феномен политических религий // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2012. С. 435–454.
6. Гордон-Полонская Л. Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана (критика «мусульманского национализма»). М. : Изд-во восточной литературы, 1963. 326 с.
7. Дорошенко Е. А. Эволюция исламских концепций в официальной идеологии Ирана (1963–1983) // Ислам и проблемы национализма в странах Ближнего и Среднего Востока : сб. ст. / отв. ред. Ю. В. Ганковский. М. : Наука, 1986. С. 173–193.
8. Ерасов Б. С. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М. : Наука, 1982. 280 с.
9. Лазарев М. С. К национальной ситуации на современном Востоке (методологический подход) // Национальные проблемы современного Востока : сб. ст. / отв. ред. М. С. Лазарев. М. : Наука, 1977. С. 3–66.

10. Левин З. И. Реформа в исламе. Быть или не быть?: Опыт системного и социокультурного исследования. М. : Ин-т востоковедения РАН ; Крафт+, 2005. 231 с.
11. Пруссакова Н. Г. Концепция «мусульманской нации» и «исламского государства» в идеологии движения за образование Пакистана (По работам индийских и пакистанских публицистов и историков) // Ислам в истории народов Востока : сб. ст. / отв. ред. И. М. Смилянская, С. Х. Кямилев. М. : Наука, 1981. С. 100–122.
12. Степаняну М. Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX–XX вв. М. : Наука, 1982. 248 с.
13. Тихонова Т. П. Светская концепция арабского национализма Саты аль-Хусри. М. : Наука, 1984. 221 с.
14. Дзуцев Х. В., Березина Н. В. Религия в жизни современного северокавказского общества. М. ; Владикавказ : ФНИСЦ РАН, 2022. 252 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-392-8.2022>
15. Одинцов М. И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе : материалы междунар. конф. (Москва, 23–24 марта 1999 г.). М. : Российское отделение МАРС, 2000. С. 31–50.
16. Шахбанова М. М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016. 358 с.
17. Абдулагатов З. М. Дагестанцы об истоках нравственности: между традиционализмом и глобализмом // Дагестанский социологический сборник – 2008. Махачкала : АЛЕФ, 2008. С. 11–29.
18. Абдулагатов З. М. Гендерные особенности исламского сознания на Северном Кавказе // Дагестанский социологический сборник – 2012. Махачкала : АЛЕФ, 2012. С. 14–27.
19. Дивисенко К. С. Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84–100.
20. Мчедлова М. М. Религия в современной России: от «религиозного возрождения» к политизации // Ученые записки ФНИСЦ РАН. Вып. 11. Религия в российском обществе: логика изменения статуса и роли / отв. ред. М. К. Горшков. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 8–25.

Поступила в редакцию 15.01.2024; одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 17.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 15.01.2024; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 17.05.2024; published 30.08.2024